

Военный корреспондент Ариф Сапаров.

В апреле 1942-го, когда в один день утонули 34 машины, ледовый путь был закрыт.

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ
О ДОРОЖЕ ЖИЗНИ
В ПИСЬМАХ ПИСАТЕЛЮ
АРИФУ САПАРОВУ

«Я спасал не разведчика Астахова»

22 ноября 1941 года по только схватившемуся льду Ладоги с Вагановского спуска в Кобону за продовольствием ушли первые 60 автомобилей «ГАЗ-АА» под командованием легендарного майора Порчунова и доставили в осажденный город 33 тонны продовольствия. Так началось движение по Военно-автомобильной дороге №101, прозванной в веках Дорогой жизни. Но только через месяц регулярных перевозок произошло первое повышение норм хлеба...

ДОРОГА ЖИЗНИ — это не просто колеи, проложенные по льду с одного берега Ладоги на другой. Это дорожные знаки, вехи, мостки, 350 регулировщиц, одновременно дежуривших на трассе, пункты техпомощи, пункты обогрева и питания, медицинские палатки, телефонные и телеграфные станции, зенитные батареи, пулеметные роты и взводы. Движение по ледовой трассе обеспечивали четыре дорожно-эксплуатационных полка, три отдельных мостостроительных батальона, Сясьский и Ново-Ладожский рабочие батальоны и две рабочие роты, аварийные бригады по подъему со дна озера затонувших автомобилей.

Одним из первых и основных летописцев Дороги жизни был военный корреспондент и писатель Ариф Сапаров. Направленный политуправлением Ленинградского фронта и редакцией газеты «На страже Родины» на оперативное освещение хроники строительства уникальной ледовой трассы, он в каждой заметке называл имена героев Дороги жизни.

Кошкомбай Оспанов, за неутомимость прозванный «товарищ Шибко». Порчуновцы, как называли ледовых водителей, Максим Твердохлеб и Филипп Сапожников. Хозяйка седьмого километра санитарка Ольга Писаренко. Они и другие работники ледовой трассы стали известными всей стране. Сначала через газету. Потом, в 1947 году, вышло первое издание книги Арифа Сапарова «Дорога жизни» — то, что удалось сделать практически сразу после войны. Второе, дополненное издание готовилось к 1949 году. Но был донос, «ленинградское дело». И только в 1957 году — реабилитация. И сразу вышла новая книга. Она выдержала десятки изданий, была переведена на многие европейские языки.

Но на книге эта история не закончилась.

Ответом на нее стали сотни писем в издательство, автору. Основными корреспондентами стали непосредственные участники событий на Дороге жизни. Они рассказывали Ариф Сапарову новые истории, или вносили уточнения в написанное им, или хотели узнать дальнейшую судьбу героев книги.

Сын Арифа Сапарова Мирсаид Сапаров

Аэросани, вооруженные пулеметом, на льду Ладоги. Г. Чертов, 1942 г.

предоставил «Вечернему Петербургу» отрывки из переписки отца. И мы впервые публикуем выдержки из этих воистину исторических свидетельств.

Письмо Веры Бучко о ее отце Орлове Леониде Григорьевиче, 1966 год:

«Товарищ Сапаров поскольку вы работаете над темами героев Ленинграда времен Великой Отечественной войны, вам, я думаю, будет небезынтересно познакомиться с человеком, который может рассказать много интересного о том периоде, который во время блокады города был главным механиком перевозок на косе Кобоны, с перво-

го дня возникновения пирсов и до последнего дня существования Дороги жизни...

...После работы на косе он, что называется, как в воду канул.

А из-за своей чрезвычайной скромности не напоминает о себе. После снятия блокады он был отозван из рядов армии и направлен для восстановления предприятия, на котором работал ранее, на Путиловские плиторазработки, главным механиком, где работает и в данное время.

Мне, как человеку увлекающемуся литературой и историей, поистине жаль, что могут так и остаться неизвестными очень много интересных фактов...

Ради справедливости надо сказать, что Ариф Сапаров не обошел вниманием Леонида Орлова, просто на трассе его все знали под прозвищем Путиловец.

Письмо Ю. С. Кушелева, 1960 год:

«...В ваших книгах вы ссылаетесь на документальные источники. Может, и правы вы. Всю эту разведку я прошел от начала и до конца. Командира разведки спасал я. Это был Соколов (у вас боец Астахов)... Где же истина?»

В книге и вправду были искажены факты. Объяснить ситуацию по просьбе отца к Кушелеву поехал Мирсаид Сапаров. Как он рассказал корреспонденту «ВП», бывший разведчик жил в ужасных условиях, в маленькой комнатухе какой-то страшной коммуналки на проспекте Обуховской Обороны. Объяснения выслушал внимательно и согласился оставить все как есть. В письме он написал правду. Провалился на самом деле командир разведбатальона Соколов. Но приказом командования ему вообще было запрещено ходить в разведку. А он не мог сидеть на берегу и только отдавать приказы. Поэтому Соколов, когда его достали из полыньи, попросил Сапарова назвать в очерке не его фамилию, а фамилию какого-нибудь бойца.

Письмо Э. М. Панфилова, 1966 год:

«Я, как и многие, родился в Ленинграде. Во время войны нас эвакуировали в детский дом в Киргизию. Нас тоже по-всякому эвакуировали. И по земле, и по воде, и по льду Ладож-

ского озера. Но вот когда мы ехали по льду Ладожского озера, у нас последняя машина с детьми провалилась и утонула...

Тов. Сапаров, вы меня извините, что не с того я начал вам писать. Я до сих пор не могу узнать, кто мои родители, может быть, у меня есть сестра или брат... Я думаю, что вы мне поможете...

Потерянных во время эвакуации судеб были тысячи. Не говоря даже об эвакуированных, Дорогу жизни за все время ее работы обслуживали 20 тысяч человек. И сколько из них погибли, до сих пор не знает никто.

Письмо профессора Ефима Самойловича Роскина, 1972 год:

«Вы говорите о блокадном заместителе бензина и странном запахе после него. Автором этого блокадного заместителя являюсь я и мои товарищи. Он был получен химической переработкой пихтового масла...

Потом Ариф Васильевич выяснил, что во время блокады профессор Роскин работал в лаборатории Текстильного института. И специалисты этого института изобрели не только заместитель бензина, но и незамерзающую взрывную жидкость для защитников Ленинграда, а также незамерзающий антифриз для танков.

Письмо Рудольфа Розенберга, 1961 год, город Иваново:

«Вам должен быть известен адрес Майи Александровны Бубновой — автора дневниковых записок, напечатанных эпиграфами к главам повести «Дорога жизни», и поэтому я убедительно прошу вас переслать мое несекретное письмо к ней. Мне очень хочется связаться с нею письмами и тем более потому, что она, как мне кажется, в какое-то время была моей одноклассницей...»

И далее — из «несекретного» письма к Бубновой: «Я помню, что с одной девочкой Бубновой я учился вместе, но имени ее я, к сожалению, не помню. А вот выдержки из вашего дневника, которые позволяют мне думать о том, что та девочка — это вы: «...За водой ходим к дыре на мостовой возле «Пассажа»; «Третий день горит и не может сгореть Гостиный двор»... Я тоже ходил за водой к той же дыре и так же, как вы, был свидетелем картины пожара. Так где же жили вы?»

Использував дневник маленькой девочки, Ариф Сапаров после войны утерял ее след. Знал, что занялась наукой, слышал, была куда-то командирована из Ленинграда.